

84-2000
Г54
Дмитрий Гоосен

ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ

Стихи и басни

2002 г.

✓
опери.

84.2 Росс
Г 57

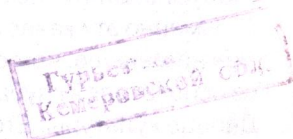
Дмитрий Гоосен

Весенняя посевная

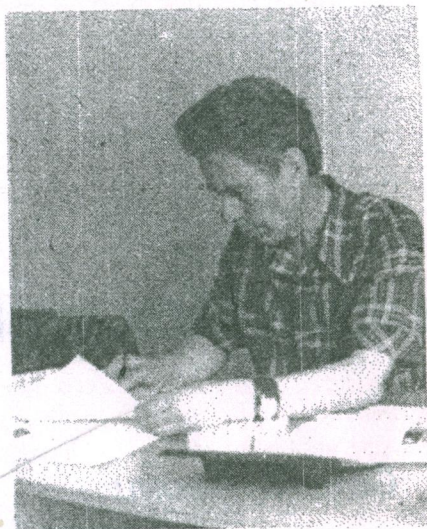
Стихи, басни

✓
61447-3

2002 г.

ВРЕМЯ ЖАТВЫ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Жителям Гурьевска, Салаира и Гурьевского района, - а именно им прежде всего адресована эта книжка, - ее автор Дмитрий Петрович Гоосен известен больше не как поэт, а как журналист. Его репортажи с весенней посевной, уборочной, с других мест событий, его зарисовки о людях труда не один десяток лет печатались на страницах газет "Знамя Ильича", "Жизнь", "Знаменка", "Наше село".

Читателям этих газет Дмитрий Гоосен известен и как шахматист. И не только как автор многочисленных заметок о баталиях на черно-белых клетках, но и как победитель и призер многих городских и более крупных турниров, всесоюзных конкурсов решения шахматных задач и этюдов. Подчеркиваю это увлечение Дмитрием Петровичем особо, так как оно требует аналитического склада ума, терпения и выдержки.

Именно эти качества Д.П. Гоосен привнес и в поэзию, с которой дружен не меньше, чем с мудрой игрой. Он постоянный посетитель и один из основателей клуба "Литературный салон" при Гурьевском городском Дворце культуры. Его стихи печатались во многих изданиях. Он автор сборника басен "Одушевленные предметы" /Алтайское книжное изда-

тельство, 1966 г./, получившего доброжелательные отзывы в прессе, в том числе в журнале "Сибирские огни". Он постоянный помощник и консультант начинающих поэтов, приносящих свои стихи в редакции газет.

На этом поприще Дм. Гоосена отличают те же качества, которые он проявляет в шахматах. Сюда надо еще добавить требовательность: сырые, недоработанные стихи журналист старается не пропускать в печать. На этой почве он имел не одну благодарность от новичков и не одну обиду от тех, кто раньше времени почувствовал себя "мэтром".

Требовательность у Дмитрия Петровича не избирательна. Предъявляя ее к другим, он, прежде всего, требователен к себе. И, скорее всего, именно поэтому сборник собственных стихов он подготовил к печати позже своих коллег по "Литературному салону".

Но как бы автор ни был строг к себе, дотошный читатель всегда найдет у него те или иные огрехи. Что ж, во-первых, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а во-вторых, весенняя посевная без огрехов не обходится. До уборки урожая еще есть время их устранить...

Иной читатель /прежде всего сельский/ может сказать, что, вопреки названию сборника, в нем маловато стихов о севе, о деревенской жизни. Но слово "посевная" допускает расширительное толкование: вспомним, что Николай Алексеевич Некрасов призывал поэтов "сеять разумное, доброе, вечное".

Надеюсь, время жатвы, время подведения итогов у Дм. Гоосена еще впереди, об этом тоже говорит название сборника - "Весенняя посевная".

В. Логинов,
редактор газеты "Наше село",
член Союза журналистов России.

"СУЩЕСТВУЕТ - И НИ В ЗУБ НОГОЙ!"

В школьные годы я готовился стать учителем. Эту задумку мне не дали осуществить /почему, рассказывать долго/. Зато мне был открыт путь к профессии агронома, и я получил ее в 1956 году. Агрономическому поприщу посвятил всего полтора года, но, к счастью, знания, полученные в Барнаульском сельхозтехникуме, оченьгодились мне, когда я стал работать в районной газете. Не лишни они и сейчас, когда я из городской газеты вновь перешел в сельскую.

В журналистику я "бросился", говоря словами В. Маяковского, "с небес поэзии". Но здесь ничего не надо идеализировать: газетная поденщина отбирает как раз то время и те "соки", которые необходимы для литературного творчества. Тем не менее к середине 60-х годов у меня накопилось довольно много стихов, опубликованных как в районных, так и в краевых газетах и альманахах.

В послевоенные годы поэтов на Алтае было раз, два - и обчелся. Но в хрущевскую "оттепель" за перо взялись многие. Желających напечататься было хоть отбавляй, а краевое издательство выпускало всего несколько сборничков в год. Среди пишущей братии возникла жесткая конкуренция, хотя этого слова применительно к нашей действительности тогда не употребляли.

Барнаульские "мэтры" решили, что стихи мои можно издать, и тут же определили, что удачнее всего у меня получаются басни. Их и взяли "за основу", а лирику вежливо отодвинули в сторону. Между прочим, один из лучших советских поэтов, Леонид Мартынов, с которым я встретился в Москве, предложил включить два моих лирических стихотворения во всесоюзный сборник "День поэзии", так что к оценке алтайских товарищей по перу можно было отнестись критически...

Разумеется, я был рад и тому, что увидела свет книжечка моих басен - "Одушевленные предметы". В сочинении аллегорий, где действующими лицами выступают вещи, у меня был предшественник и учитель - Феликс Кривин из Ужгорода. Встретились мне такие произведения у Леонардо да Винчи. "Одушевлял" предметы и И.А. Крылов.

Если животные в баснях частенько попадают в непривычное для них положение, то у меня вещи, как правило, остаются самими собой. Только глаголы и эпитеты в тексте обычно имеют два значения:

первое относится к самой вещи, а второе - к человеку, герою, который за нею просматривается. Найти такое "двузначное" слово было всегда наслаждением...

Неожиданно в мой сборник сунула нос вездесущая в ту пору цензура. От этого вмешательства пострадала, прежде всего, басня "Об одном Телеграфном Столбе". Было ясно, что речь в ней идет о довольно крупном начальстве. Подгнивший Столб рухнул бы, но ... "надежные вверху имел он связи". Наверняка, уважаемый читатель, и вы хоть раз видели столб, держащийся на одних проводах. Моя редакторша с нежным именем Каролина и менее поэтичной фамилией Саранча сказала мне откровенно:

- Концовку басни придется переделать: в отделе пропаганды крайкома партии решительно возражают против слова "вверху". Предлагают заменить его наречием "вокруг".

- Но это же бессмыслица, Каролина Ивановна, - заартачился я. - Давайте выберем такой вариант: "надежные... имел он связи". Умный читатель догадается, где расположены эти связи.

На том и порешили... Было и еще кое-что смягчено, а позже кое-что искажено по недосмотру корректора.

Прошло много лет, и мне захотелось издать новый сборник: придать опубликованным произведениям первозданный вид, включить в книжку и другие вещицы - не оставить без внимания лирику, стихотворную публицистику, сатирические миниатюры в прозе.

Если в советские времена издание стихов финансировали более чем скупое, то сейчас государству и вовсе нет до этого дела. Зато появилась возможность выпускать книжки за свой счет или при поддержке спонсоров. Не так легко продать изданный томик стихов, но ведь можно его... подарить. Опять найден выход из положения!

Многие авторы стараются наскрести "по сусекам" нужную сумму.

"И нам за ними в путь счастливый!" - вспомнил я А.С. Грибоедова.

Разумеется, не для того предпринимают поэты огромные усилия, чтобы потрафить своему самолюбию: большинству хочется, говоря словами М. Пришвина, найти "дорогу к другу", они верят, что их строки, по крайней мере самые удачные, найдут отзвук в сердцах читателей.

Говорят, что наш "переходный период" не располагает к сочинению, изданию и чтению стихов. С этим утверждением можно поспорить: в самое последнее время люди всех возрастов, и прежде всего молодые, стали, по-моему, чаще обращаться к поэзии. Таково и мнение знакомых мне библиотекарей.

Недавно в Гурьевске прошел городской фестиваль поэзии в рамках областного конкурса "Свой голос". Малый зал Дворца культуры был полон. Десятки девочек и мальчиков выходили к микрофону и знакомили нас со своими литературными опытами. Пусть никто из них не станет Анной Ахматовой или Сергеем Есениным, - это увлечение оставит в жизни школьников добрый след, станет серебристым облачком, украшающим небеса юности, оно всегда будет вспоминаться с теплым чувством.

В. Маяковский полушутя, полусерьезно сказал: "поэзия - пресволочнейшая штукавина: существует - и ни в зуб ногой!" Пусть она существует вовеки, и не только существует, но и всячески процветает!

Дм. Гоосен.

МАЙСКИЕ КОСТРЫ

Стихи разных лет

ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО...

*К запуску в СССР первого
искусственного спутника Земли*

Господа,
напрасно рвете космы:
и сегодня
первые не вы -
это наш гонец
во व्यужный космос
прорезает
толщи синевы.

Это чудо,
это лишь начало,
в неизвестность
первый смелый шаг.
Близим день,
когда в ракете мчало б
нас самих
и ветер пел в ушах.

В спутнике,
что нами в небо ввинчен,
ум столетий,
ум эпохи слит,
торжествует Леонард да Винчи,
Циолковского мечта летит.

Господа грозят -
покоя нет им -
уподобить Землю валуну.
Мы ж мечтаем
подарить планетам
не одну
советскую луну.

4 октября 1957 г.

БУРАН

Беснуется буран,
в избытке свежих сил
на кучку крыш
обрушиваясь валом.
Как долго я
в душе его носил,
как долго
мне его недоставало!

Он что-то новое
в меня вдохнул,
ветрище этот,
яростный в наскоках.
Стоит прерывистый
и тяжкий гул
в вершинах
тополей высоких.

Вся толща неба,
кажется, жива:
крылами машут мельницы,
и что-то
жуют ожесточенно жернова,
все время
ходят ходуном решета.

И осыплю
обильною такой
снег валит сверху,
в сеянку измолот.
Внизу - селяне,
снежной мукой
облепленные,
словно мукомолы.

От новых чувств
захватывает дух.
Я вслушиваюсь в шорохи глухие,
и заново живу,
и рад, как друг
старающейся
для людей
стихии.

ХОЛОДА

Зима в разгаре.
Раскален восток.
Мороз целует в щеки
без смущенья.
Он вызывает у меня
восторг,
он выжал слезы
умиления.

Не так
вселенский холод
ведь и плох:
в большую стужу -
чудится мне часто -
сердца охотней
отдают тепло,
им легче
друг до друга
достучаться.

АПРЕЛЬ

Март,
на солнце пригревшись,
размяк и сопрел.
Закудахтали куры.
Растелилась Красуля.
Бестолково шатаясь,
теленоч-апрель
в теплые губы
берет сосульку...

Так и хочется
грузные снять сапоги,
походить босиком
по сухому крылечку.
На полях -
все весеннее запах их -
жидкий снег
под копытами конскими
плещет.

Снег с утра
был яичным белком
облит,
но напрасно зима
белизну сберегала.
Вот на первый
чернеющий остров-блин
села стая
крикливых галок.

Загалдели,
по талой земле семена:
мол, пора уж пахать,
мол, почва готова,
дескать, где у вас сеялки,
где семена,
что вы медлите,
в поле не едете что вы?

Из цикла

"Перечитывая классиков"

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Я по капле выдавливал из себя раба...

А. П. Чехов

- Мы не рабы! -
себя мы убеждали,
по-молодецки, лихо
шаг рубя.
И вот, придя
в неведомые дали,
выдавливает
из себя
раба.

Приказы исполнять
мы поспешали,
верхам
завороженно глядя в рот.
За робость,
за слепое послушанье
они же нас
и взяли в оборот.

Проклятое холопство
вырвем с корнем,
коль сверху
указание дано.
Но, чтобы дело
чутьточку ускорить,
условье надо
соблюсти одно.

Пока себя
мы школим, дорогие,
пусть, как и мы -
кряхтя, пыхтя, сопя, -

немедля барина
начнут другие
выдавливать
по капле
из себя.

Но барство в них
засело тоже крепко,
и кой-кому
с ним справиться невмочь.
Рабочая,
крестьянская коленка
могла бы,
несомненно,
тут помочь.

"Ох, как бы нас
самих не поприжали!" -
во мне
и в вас
вовсю идет борьба.
Чтобы коленки наши
не дрожали,
изгнать должны мы
из себя раба.

1988 г.

СИЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

*То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.*

Н.А. Некрасов

О, ненавидеть
мы не устаем!
Одних
испелить готовы взглядом,
других
стереть бы в порошок
мы рады,
а третьих
проглотили бы живьем.

Мы на свое начальство
точим нож.
За то наш шеф
вдруг стал нам неугоден,
что нас в служебном уличил бесплодьем.
Нас голыми руками не возьмешь!

Коллеги
стал невыносим успех.
Отхватывает
премии, награды.
Пот катится с него
частенько градом.
Ему, хапуге,
надо больше всех!

Сосед стонал,
что крепко сел на мель.
Не на мели -
у нас сидит в печенках.
Какую дачу строит!
"Жигуленка"
купил на днях -
последнюю модель.

Себе мы не признаемся
ни в жизнь,
что жгучая
нас разбирает зависть,
а зависть-
это ненависти завязь-
ей только раз поддайся,
с ней свяжись...

А что у нас
с наукою любви?
Весь род людской
счастливым сделать силясь,
одних себя
любить мы научились.
И в детях ищем
черточки свои...

МАЙСКИЕ КОСТРЫ

Деревня окутана дымом,
клубами ползет он седыми. . .

Беда не страшась ли, случайно?
Пожар? Почему же так тихо?
Нет, просто пора сельчанам
пахать огороды, и лихо
хозяйки, сгребая граблями,
бросают в ленивое пламя
подсолнуховые будылья,
охапки ботвы и полыни,
сухие истлевшие листья
и всяческие остатки.
Глядишь - в огороде чисто,
паши, приступай к посадке.

В кострах, в заволоке дыма,
деревня цела - невредима.

О, если б в году однажды
в избе полыхало каждой
весеннее пламя это ж
и в нем бы сгорала ветошь
с зимы сохранных устоев -
сплетение быта густое,
ботва пересохшая буден,
раздоров чертополохи...
Пусть чистою пашней будет
наш дом перед севом эпохи!

ПРОЗРЕНИЕ

Под вечер
я свернул с дороги
как-то.

По лугу между колков
я ходил.

В траве высокой,
рыжей от заката,
я долго ягоды
не находил.

Тогда нагнулся я,
листочки земляники
раздвинул.

Вдруг взглянула на меня
висящая
на стебелечке никлом
большая ягода
красней огня.

Их было много -
крупных, спелых, вкусных,
я просто
сверху
их не разглядел.
Вот так однажды
я постиг искусство
разглядывать
застенчивых
людей.

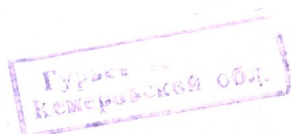
КАРТИНА

Нити,
 слепящие нити летают.
 Солнце
 запуталось в паутине.
 Осень-
 художница молодая-
 самую первую
 пишет картину.

Путает краски...
 Ей некогда мешкать.
 Тут ветер пристал
 с надоедливой лаской.
 И осень, волнуясь,
 в отчаянной спешке
 с кисти роняет
 желтые кляксы.

Она написала березку -
 взгляни-ка-
 желтью лимонной
 под бледною синькой,
 побордовевший листок земляники,
 дрожащую
 в красном накале
 осинку.

Знает она,
 что скоро ненастье
 смоет картину, сорвет-
 ну и что же?
 Это горение,
 поиск страстный,
 чувство прекрасного-
 не уничтожить!

61444-3

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

Как голубь,
слетает с руки человека,
ныряет ракета
в небесную мглу.
Пытливые поиски
нашего века
все дальше и дальше
уходят вглубь.

Ждала нас загадка
в глубинах Галактик
/как мало, как мало
нам космос знаком!/:
у звездного скопа -
капризный характер,
ему нипочем
притяженья закон.

Там силы отталкивань
могучи,
там яблоко Ньютона
падает... вверху.
Что это за силы,
еще мы изучим.
Сулит нам
открытья великие
век.

..Спрессована
глубь океана
жестоко-
бесстрашно
штурмует ее
водолаз.
В подводное царство
глядит телеоко,
уйдя в глубину
продолжением глаз.

- Поверхность разведана.
Каждая клетка, -
сегодня
геологи
говорят.
И в недра
все глубже
уходит разведка -
там скрыт не один
притаившийся клад.

Уже глубь тайги
от безлюдья не мается-
несет в нее молодость
песенный пыл.
Восставший
на всех верхоглядов
Мальцев
свой плуг безотвальный
в степи заглубил.

Писатель
уже не достигнет удачи,
легко
по поверхности жизни
скользя.
Глубины души!
Где есть клады богаче?
Не быть сердцеведом
сегодня нельзя.

Глубокая в мире
идет разведка.
Противоречий,
проблем клубок...
Смысл смелых исканий
двадцатого века
необычайно
серьезен, глубок.

ПОСЛЕ КРАЖИ

Мою соседку обокрали.
Залезли в форточку, забрали
все золото и серебро,
меха и прочее добро.

Уверен: знала эта шайка,
что в ночь работала хозяйка.
Ручаться можно головой:
ее обчистил кто-то "свой".

Ну, женщина, понятно, в слезы.
Звонит ноль-два, идет в угрозыск.
Никто из сыщиков не смог
распутать этот узелок.

Она им перемыла кости...
Вдруг - на-кася! - ночные гости
к ней вновь нагрянули. Теперь
они взломали тихо дверь.

И вновь угрозыск озадачен...
Обкраденная, горько плача,
на всех обижена и зла,
на помощь братьев позвала.

В беде сестрицу как оставить?
Сумели братья ей поставить
стальную дверь и заодно
зарешетили все окно.

Гуляют на свободе воры,
а бедной женщине затворы
почти тюремные терпеть,
век за решеткою сидеть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БУДУЩЕГО

/Нечто сказочное/

Там ждали люди...

Стих

там где-то свадьбы гул.

Волнуясь,

все забыли о невесте.

Я нес им,

сказочный бегун,

из будущего

радостные вести.

Я возвращался к ним

из золотых веков.

Песчинки Млечного пути

хрустели.

Я скороходом был,

свободным от оков

на сердце,

на ногах, на теле.

Я помню:

в облаках пушистых я лежал

и в голубой просвет,

счастливый самый,

я посмотрел

на наш цветущий шар

красивыми

и умными глазами.

Я помню:

дуб дремал,

трава была густа,

покачиваясь плавно,

ветки пели.

Я в тень прилег.

О нет, я не устал!

Хотел я, чувства

чтоб не так кипели.

Хотел поднять
зовущих слов запал,
вскочить -
и снова в путь,
уже не длинный.
Не знаю, как заснул я,
как упал
в зеленый и душистый
сон долины.

А люди ждали.
Невозможен был
тревожный день
без праздничной отметки.
И в зыбком сне я вижу:
из толпы
выходят
самый чуткий, самый меткий.

Слухач припал
внимательно к земле...
Сквозь шепот трав,
деревьев колыханье,
журчанье листьев, музыку шмелей
дошло мое
могучее дыханье.

Стрелок прицелился
с высокого бугра
в густую крону дуба.
Выстрел меток,
и, вздрогнув, дуб
обрушивает град
тяжелых желудей и веток.

Я просыпаюсь...
Дождь. Вороний гам.
Хочу припомнить все,
но весть забыта.
Хочу бежать,
но к спутанным ногам
приковано ядро
земного быта...

КОРОТКИЕ СТИХИ

МОЛЬБА СКАМЬИ ПОДСУДИМЫХ

Уныло скрипнув
под толстенным малым,
взмолилась
"подсудимая" скамья:
- О люди!
Или вам сидений мало?
Прошу вас,
не садитесь на меня!

У СЕРДЦА ЧЕТЫРЕ КАМЕРЫ...

Любил самозабвенно Любу он,
в Надежду безнадежно был влюблен,
любезничал с Людмилою и ловко
вскружил ей кудрявую головку.
И Сима... Сам не знал он, почему,
но тоже нравилась ему.

Стыжу его:- Повеса, сердцеед!-
А он спокойно мне в ответ:
- Пожалуйста, шпыняй меня, усердствуй,
но почему бы это я не мог
влюбиться сразу в четырех?
Поди четыре камеры у сердца!

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО...

- Как ты, сыночек, вырос! -
воскликнул папа-вирус.

САМООЦЕНКА

Себя считала кобра
общительной и доброй.

КУРИЦА-СВЯТОША

У хохлатки
святошеский нрав:
и глотка она
сделать не может,
чтобы,
голову кверху задрав,
не сюсюкнуть:
мол, слава те, боже!

ЭПИТАФИЯ КЛЕРКУ

С бумагами носился он как ветер-
так на работе и сгорел,
но ни одной души на свете
своим гореньем не согрел.

ТВОИ ГЛАЗА

Неправда то, что реки синие:
они бывают синими, когда
в них небеса глядятся с высоты.
Неправда то, что небо синее:
оно бывает синим лишь тогда,
когда в него глядишься ты.

СОКРАТИЛИ . . . СОКРАТА

Есть версия такая: в Древней Греции философов урезывали штат. Могу на факт железный опереться я: был самым первым сокращен Сократ. За то, что мудрым человеком был, до дна он чашу горькую испил.

ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ

Агропоэтический репортаж

/ Отрывки/

Землю попашут -
попишут стихи.
В. Маяковский

Пахнуло теплом...
Заботы о севе
тревожат сельчан,
лишают их сна.
Ослепнув, снега
сползают на север,
в алтайские степи
приходит весна.

На практику еду
в колхоз отдаленный,
в знакомый мне сызмальства
синий край.
Резвится апрель,
словно малый теленок.
Скоро
наступит
май...

"Скоро наступит май", -
вторит вагонов стук.
Воздух весенний туг,
поезд несется на юг.

Вечера синь гулка.
Россыпями огни.
Как Родина велика,
чувствую в эти дни.

Здесь для разбегов даль,
для размышлений-ширь.

Тобою страна не горда ль,
сокровищница - Сибирь.

Колки-скрылись и те.
Ровень. Открытая даль.
За степью встает степь.
Под рельсами - Кулунда.

Сказал, робея слегка:
"Моя Кулунда", - и стих.
За что, не знаю пока,
крикнуть хочу: прости!

Пройду в упорстве тройном
трудности первых вех, -
я будущий агроном
и будущий человек...

Моя, моя Кулунда,
я к тебе - навсегда,
станет моей судьбой
все, что будет с тобой...

В поле!
По улицам сельским повсюду
избы будя,
трактора идут.
Тихо позвякивает посуда,
дрожит слежавшийся
зимний уют.

Перед степным
задержались привольем,
наспех вагончик
ставим в кусты.
Уже наш ДТ
на кромку поля
гусеницы опустил.

Пыль поднялась
густой завесой.
Песчинки
глаза упрямые трут.
Прицепщик сейчас-
моя профессия,
свобода и радость,
учеба и труд...

Здесь, в этой сторонке
немало изведать
в лихую годину
нам, помню, пришлось.
Здесь бегал с мальчишками
я, непоседа,
степными ветрами
продутый насквозь.

Война,
не забытая нами нисколько,
и в эти селенья
бедой ворвалась,
и попадали
ее осколки
в хрупкие жизни,
лишенные ласк.

И мы принимали
на плечики острые
сиротскую долю
села, семьи,
суровели,
становились взрослыми,
совсем немного
побыв детьми.

Мы стужу и смерть
увидели рано,
и, может,

особенно к нам нежна,
врачуя войны
глубокие раны,
немножечко нас
баловала страна.

Знай только
ступеньками классов
топай,
знай только учись,
взахлеб и всласть.
Уже забывался
лишений опыт.
И вот за плечами-
десятый класс...

Экзамен на зрелость
сдан без запинки.
Как снежная скатерть,
мир незапятнан.
Но все, что казалось
прозрачной слезинки,
потом становилось
таким непонятным...

Не принят в вуз...
Что б ни было виною:
несправедливость,
маху ль просто дал,
ты возвращаешься
в село родное,
сгорая от досады и стыда.

Итак, работать...
Что, казалось, проще?
Но ходишь ты бездельником
пока.
Ты жизнь еще
не ощутил на ощупь,

она тебе
не мнет еще бока.

И много зная,
можно быть невеждой.
Нет, грамотой
гордишься ты навряд.
Замасленную,
грубую одежду
сейчас надеть
ты, может, был бы рад.

* * *

...Шумел ледоход
небывалой весны,
ломая застой,
увлекая в движенье.

Отправились
в первый свой путь
пацаны
моего, 35-го года рожденья.

По снежным целинам
составы скользят.
От этих лет
отставать нельзя.

Узнали и мы
порыва толчки,
энтузиазма
высокие токи.
В край сибирский! ...
Но мы ведь сибиряки.
На восток! -
Мы и так живем на востоке.

И все же
нетерпеливо и строго

каждый из нас
собирался в дорогу.

В тот год путевку
тебе не вручала,
не обняла
на прощанье Москва.
Ты просто пошел
учиться с начала,
просто тогда
засучил рукава...

* * *

Как хозяин, земли наши
обошел весенний гром.
Напились водою пашни,
зелень вспыхнула кругом.

Брызги в небе подымая,
солнце плещет все смелей.
Мы еще такого мая
не встречали на земле!

Свежесть оставила
ночь грозовая.
Птицы вспорхнули
поближе к теплу.
Ломти
черного каравая
нарезает
блестящий плуг.

Из сеялок,
золота ярче и чище,
стекает пшеница
отборным зерном.
По мякоти пашни
клювастый грачище
шагает степенно,
что твой агроном...

* * *

Скажите,
вы любите село?
Очугунев от усталости,
вы лежали
на могучей
зеленой гриве земли?
Лежишь
и клубишь облаками дыма
в облака,
плывущие над головой.
Прикроешь глаза,
и в каждой ресничке
расколется солнце
на семь цветов радуги.
Свисает с травиночки
капля росы -
в ней тоже горит
разноцветное солнце...

А осенью?
Вы дышали медом
цветущей ржи,
гладили щегольскую
прическу овса,
держали во рту
ароматную соломинку?...

* * *

Плотники
будят село топорами.
Стук молотков
торжественен, пылок.
Словно сирена,
поет пилорама.

Стоит аромат
смолы и опилок.
Мы жить могли

в тесноте и впотьмах.
Сегодня-нужды нет в этом.
Люди должны
зажить в домах,
залитых солнечным светом.

У молодых
свое ведь семейство,
не хочется
в низеньких хатках сутулиться.
Что?

В степи -
и чтоб не было места?
Давай, начинай
Молодежную улицу!

Становятся домики
в улицы-строки
голубоглазо,
молодо, плотно.
Деревня охвачена
пафосом стройки:
каждый-каменщик,
каждый-плотник.

И мне бы забраться
под синее небо,
покрасить бы крышу,
конёк расписать бы.
Строителем мне
пройтись по стране бы-
по шумной моей
необъятной усадьбе.

Попробуй сейчас-
удиви чудесами,
а здесь просто чудо-
такая пора.
Мы сами -

понимаете, товарищи? -
сами
своей земли
министры и директора.

* * *

Я вернусь, Кулунда моя,
уезжаю я в город тот,
где студенческая семья,
где любимая ждет.

"Где любимая ждет", -
вторит вагонов стук.
Встречный ветер упруг.
Солнца всплыл полукруг.

Поезд в мгlistой пыли
уже прибежал в ту степь,
где березки пошли
отплясывать тихий тустеп.

Набросили наспех
нарядные, яркие платья-
лишь белые ноги
выше колен на виду.
Хмурой сосне завидно:
вот так бы пылать ей
зеленью светлой
однажды в году!

Милая, знала б ты,
сколько людей и встреч,
крупиночек красоты
хотел для тебя я сберечь.

Всходит пшеницей наш труд,
в рост посевы пошли.
По океану всходов плывут
села-корабли...

А поезд летит,
навстречу восходу несется,
и кажется:
если мчаться так скоро,
мы врежемся прямо
в пучину солнца,
прямо в его
лучевые просторы.

Оно поднимается,
тысячеградусное,
на нас с удивлением
смотрит вниз:
что это за люди,
откуда моя жизнерадостность,
откуда у них
свирепый такой
оптимизм?!...

1957 г.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ

Басни

ЛАВРОВЫЙ ЛИСТ

Варился борщ из Овощей, что родом
все были с одного, заметим, огорода.
И вдруг, откуда ни возьмись,
попал в кастрюлю незнакомый Лист.
- Ты кто? - спросили Овощи сурово.
- Я, - он с достоинством ответил, - Лист Лавровый.
- Вот без кого неполон был наш борщ! -
хихикнул Лук, прищурившись лукаво. -
Да больно, братец, бледен ты и тощ -
никто тебя и есть не станет, право.
- Меня и не едят: я пряность, я приправа.
- Ха, ха, подумал ли, какой несешь ты вздор?! -
так со смеху и прыснул Помидор. -
Нам, неучам, уж где с тобою спеться:
Лавр, Лавр - не знаем мы подобных специй!
- Не знаете? Так я не виноват,
а к вам меня прислали, я считаю,
за мой особый аромат,
которого вам всем, как видно, не хватает.
Тут Овощи за гостя и взялись!
- Дерзить нам смеет завалящий Лист!
Да он невежда, лгун, нахал он просто! -
вскричала Свекла, побелев от злости.
- И долго нам он будет портить кровь? -
негодовала мирная Морковь.
Картофелине-той была потеха,
рассыпчатым она смеялась смехом.
Весь борщ бурлил, кипмя кипел.
Кричат Листу: - Покуда цел,
проваливай отсюда, вылезай-ка!
Суд над беднягой был бы крут,
да тут
его достала из борща хозяйка.

Людей не раз встречал я вроде
тех Овощей: что чуждо их уму,
спешат охаять - только потому,
что это не растет у них на огороде.

ОБ ОДНОМ ТЕЛЕГРАФНОМ СТОЛБЕ

Все
несгибаемым
его считали,
никто не наблюдал за ним
шатаний,
и потому
проверок грозный вал
его не раз
счастливо миновал.
На вид был Столб неколебим -
на деле
подгнул он
и держался еле-еле.

Однажды
сильный ветер налетел.
Сопротивлялся Столб ему
упорно,
и вдруг буквально он
остолбенел,
почувствовав,
что нет под ним
опоры.

Казалось - все,
падения ему
не избежать.
Исход, казалось, ясен.
Но удержался Столб.
А почему?
Надежные
вверху имел он
связи!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ УЧРЕЖДЕНЧЕСКОЙ ДВЕРИ

Хоть хлопотным было
ее занятие -
за каждым ходи
человеком тут,
держалась за место она,
да, кстати,
деваться ей было
и некуда.

Туда и сюда
ходила послушно
с утра
до самого вечера.
А что получала
за верную службу?
Одно только
дерганье вечное!

Она трепетала
перед начальством
и перед простым
посетителем.
Обиды свои
срывал на ней часто
какой-нибудь
служащий мстительный.

Лишь раз сорвалась,
неподатливой стала:
до ручки дошла,
задержали!
И сняли ее,
отвязались от старой-
другую поставить
долго ли!

БУДИЛЬНИК - ПУСТОЗВОН

Будильник
так и трясся от усердия.

Давно уж встали все,
но, словно бредя,
среди бела дня
в неукротимом раже
кого-то он будил
и будоражил.

- Дзинь-дзинь! Проснитесь!
Хватит спать, засони! -
звонил,
называясь,
трезвонил.

Он слезы умиления исторг
у Рукомойника.

Пришла в восторг
и юркая Юла:

-О, как он чуток,
как дальновиден -
это просто чудо!

Не спит, заметьте,
ночи напролет.

А как умеет он
поднять народ!

В свои
остроконечные усы
стенные
усмехнулись тут
Часы.

Они-то знали:
неспроста
звонит
второй уж раз на дню
Будильник -

не дальше чем вчера
хвоста
ему изрядно
накрутили.

КАЛОША И САПОГ

От чувств распирает Калошу,
довольна она собой:
есть спутник у ней - и кто же?
Блестящий большой Сапог!

Хотя до него тянуться ей много -
так узок ее мирок,
живет на широкую ногу.
с тех пор, как ее он увлек.

Но Бурки бурчали ходили:
- Ох, как его выбор смел!
А модные Туфли острили:
- Сапог-то в галошу сел!

Калоша всю грязь, все лишенья
снесла. Ради спутника. Но
натянутые отношенья
возникли у них все равно.

Он начал ходить на танцы,
ее оставляя одну,
стал с Туфельками таскаться,
меняя их дважды на дню.

Не жметса к нему она тесно,
скрипит уж на каждом шагу:
- Ты жизнь растоптал мою, деспот!
Нет, дальше я так не могу!...

Он бросил ее. Напрасно
собравшегося бежать,
прилипнув к нему, словно пластырь,
пыталась она удержать.

Одно утешенье Калоше:
задав от нее лататы,
влип крепко Сапог и, похоже,
не выйдет сухим из воды.

СПИЧКА И ДРОВА

Направили Спичку
в остывшую печь -
Дрова, так сказать,
вдохновить и зажечь.

Известно, что Спички -
горячие головы,
но эта
на редкость была холодна.
Ей в печь не хотелось,
и долго
угодно
у теплой коробочки
терлась она.

Так долго,
что всем понабила оскомину,
и вот наконец-то
отправилась в печь.
Но только с Дровами
она познакомилась,
как тотчас пошла
недовольно шипеть:

-Что это - Дрова?
Нет, чурбаны бездушные!

Попробуй-ка, расшевели их, зажги!
Скорее назад!
Занесло ж в эту глушь меня...
Какая здесь темень -
не видно ни зги!...

И снова,
обида и злости полна,
у теплой коробочки
трется она.

СЕМАФОР-ЭНТУЗИАСТ

В Сибирский край
отправиться решив,
стал и других
в дорогу звать
Локомотив.

Вагоны начали
подталкивать друг друга.
А Семафор
поднять успел уж
руку:
он тоже, мол, не устоит,
он за -
даешь восток,
даешь сибирские леса!

И, глядя на него,
пустились в путь Вагоны -
Локомотив их вел
неугомонный.

А что же Семафор?
Им вслед махнул рукой,
а сам - ни с места.
Предпочел покой.

ЦЕПКАЯ СКРЕПКА

Десятки лет
в отделе служит Скрепка,
известная
своею хваткой крепкой.

Сперва она держалась
за Листы,
что не без умысла, как видно, злого
ушатом окатили клеветы
Петрова, Голубева и Козлова.

Смекнула Скрепка:
это клевета,
но много лет
не раскрывала рта.

Ей не чета
был Карандаш прямой-
тот не хотел
чернить невинных слепо.
Его ломали,
но самим собой
он оставался-
и пропал бесследно.

Упорству Скрепка
гибкость предпочла-
и вот, пожалуйста, она цела.
Но держится уже
за те Листы,
которые доказывают четко,
что Голубев, Петров, Козлов
чисты
и что оклеветали их
с расчетом.

Как прежде Скрепка
гибкостью берет
и лишний раз
не раскрывает рот.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Грунт
Полутерок
кое-как ровнял.
Он тертым был
и ловко метры выгонял.
На что проворна
Штукатурная лопатка-
он и Лопатке
наступал на пятки.

Тяп! Ляп! - работали они
на полный ход
и повторяли, как припев:
- Валяй! Сойдет!

- Как трешь?!
В буграх стена,
ты погляди-ка! -
вдруг к Полутерку
подошла Гладилка. -
Еще и хвалится:
две нормы дал!
Увидит Кисть -
закатит нам скандал!

Гладилка пробует
замазать недостатки,
да где там!
Выглядит стена
все так же гадко.

Тут Кисть нагрянула,
как на голову снег.
На миг задумалась...
и обелила всех!

ТОПОР И ПИЛЫ

"Вот интересно, -
рассуждал Топор, -
какой Пиле
поручат распиловку-
щербатой,
что в лесу с каких уж пор,
иль новой,
что работает так ловко?

Приди, конечно,
новая Пила,
живее бы у нас
пошли дела.
Ее проворней нет,
в ней все поет,
но только чересчур она
зубаста.
С ней свяжешься,
так наживешь хлопот.
Нет, знать ее
я не хочу -и баста!"

Так и случилось.
Чей-то выбор пал
на старую Пилу:
мол, можно смело
ей дело поручить -
она тупа,
но на своей работе
зубы съела!

МАГНИТ И ОПИЛКИ

- Нет, это не железные Опилки! -
доказывал Магнит Магниту
пылко. -

Не та подвижность
и задор не тот -
их ни к чему не тянет,
не влечёт.

- Я твоего не разделяю взгляда, -
друг возразил ему. - Скажу одно:
Опилки, брат,
железные, что надо,
а ты вот...
размагнитился давно!

ДВИЖЕНИЕ И ТОРМОЖЕНИЕ

- Куда несетесь,
колеи не зная?! -
сдержала бег Колес
Колодка Тормозная. -
Я с вами не хочу
идти на риск:
машину мигом
разобьете вдрезг!

- Всем
осмотрительность твоя
известна, -
поставил тут ее
Рычаг
на место. -
Не осади тебя,
не охлади твой раж -
Колесам
ходу
ты совсем не дашь!

КАРАНДАШ БЕЗ СТЕРЖНЯ

Он написать шедевр
пытался с маху,
но только
исцарапал зря
бумагу.

- Нажми, нажми! -
советуют ему. -
Да заостри
внимание к письму!

Он заострил,
потом нажал как следует -
усилия его
прошли бесследно.

Кричат:
- Да не с того
конца он начал!
А ну, попробует с другого пусть!
Он пробует -
и снова неудача.
И тут все видят:
Карандаш-то пуст!

ГАЛСТУК И СОРОЧКА

Обняв Сорочку,
говорил ей Галстук
/навязчивым он слыл
и языкастым/:
- Чем я тебе не пара?
Будь моей!
Что мнешься?

Соглашайся поскорей! -
Но та дала понять,
рванувшись из объятий:
на репутации твоей,
мол, много пятен.

Развязкой неожиданной
пижон

был удивлен
и даже поражен.

- Найду другую, -
бросил он, -
да не простую!

А ты...

Ты будешь век одна,
чистюля!

Но вот пристал к другой -
взяла пижона злость:

опутать и ее
не удалось.

Зря к третьей ластился,
четвертой, пятой...

А у чистюли
был уж друг.

Без пятен.

О БАРОМЕТРЕ, ВСЕГДА ПОКАЗЫВАЮЩЕМ "ПАСМУРНО"

Он в прошлом испытал
такие потрясения,
что и не ждет
теперь уж
прояснения.

Толпятся тучи.
Черен небосклон.

"Так будет вечно", -
предвещает он.

И вдруг назавтра -
солнце,
синь сквозная.
- Вновь будет пасмурно, -
твердит он. -
Я-то знаю! -

За мрачный
извиним его
прогноз:
ведь столько он
ударов перенес!

ДУРНАЯ СЛАВА

Шел слух,
что Стелька
каждый день пьяна,
что спиртом
пропиталась, мол, она.
То был не спирт - вода.
Но с той поры
частенько
мы слышим выражение:
"Пьян, как Стелька".

УТЮГ-ОЧКОВТИРАТЕЛЬ

Он любит сглаживать,
он тратит весь свой пыл
на то, чтоб лоск и блеск
повсюду был.

-Тсс, - шепчет, -
попадет нам на орехи,
коль скрыть мы не сумеем
все прорехи! -
А если сморщится
видавший виды Френч,
Утюг
давление окажет:
не перечь!

Но как-то раз
/он был тогда в ударе!/
его водой
холодную
обдали.

Побушевав,
оставил плутни
наш Утюг
и вместе с тем
остыл к работе вдруг.

Но скоро
горячо
он взялся вновь за дело,
и у него
опять все заблестело!

БАХВАЛЬСТВО ЛЕТУНА

- Никак землячка?
Сколько зим и лет! -
приветливо кивнул Лопате
Змей Бумажный. -
Ты все
так и копаешься в земле?
Ну, что в деревне
видишь ты, бедняжка?

А я, представь,
полсвета облетел,
порвав с землей
и тягу дав
от Нитки.
Живу легко, безгорестно.
Пусть тех,
кто на подъем тяжел,
берут завидки!

ВЕЛОСИПЕДНЫЙ БАЛЛОН С ИЗЪЯНОМ

Нагрузка у него
была одна,
была
не так уж велика она,
но нес ее он нехотя,
с натугой -
шипел, сипел,
все больше падал духом.

Добрейший Обод,
писка не стерпя,
взвалил его поклажу
на себя.
Но тут Насос вмешался,
злости полный.
О, этот спуску
не давал Баллонам!

Накачку получив,
надулся так Баллон,
что чуть не лопнул.
Хоть напрягся он,
понес свою нагрузку
через силу,

ему надолго
духу не хватило.
Опять он
недовольно засипел,
опять не движется
велосипед.

"Накачка"
действует порой
всего верней,
но не уедешь
далеко на ней.

ЗАМКНУТЫЙ СЕЙФ

Шкафы
сгореть готовы
на работе.
"Пусть, дураки набитые,
горят, -
скрипит
их несгораемый собрат, -
а что касается меня,
я - против".

Замкнулся некогда в себе
и ныне
Сейф неприступен,
холоден и нем.
Пытались
ключ к нему найти
иные,
но уходили
каждый раз
ни с чем.

"Что кроется, -
один догадки строит, -

за этой неприступностью
его?"

Другой прекрасно знает,
что пустой он,
что ценного
нет в Сейфе
ничего.

Его убрать пора,
он всем мешает,
но он имеет вес,
и потому
его лишь без конца
перемещают,
и круглую печать
суют ему.

ЛЕМЕХ-ВЕРХОГЛЯД

Передний Лемех
хитрыми путями
поднялся
над другими Лемехами.
Вообразив,
что стал непогрешимым,
что в землепашестве
лишь он один мастак,
идуших сзади
поучить решил он:
- Пашите, - повелел, -
вот так и только так!

Но Лемеха уперлись
/то и дело
их заглубляли, выглубляли -
надоело!/.

- Хотите показать,
что вы умней?! -
проскрежетал
вышестоящий Лемех. -
Не выйдет!
Сверху мне видней!
Я против этих...
как их там...
полемик! -

Его прервал Бороздомер:
- Ты хват,
да мелко пашешь,
верхогляд!

✓ ЛУПА - КРИТИКАНКА

Все
как облупленную
знают эту Лупу:
выискивать
она ошибки любит.
Преувеличивать
имеет страсть она:
из мухи
сделает слона.

ФИГУРАЛЬНО ГОВОРЯ...

/Шахматные басни/

1. КАРЬЕРА ПЕШКИ

Была она Пешка как Пешка,
но выдвинулась чуть-чуть -
и стала показывать спешку
такую, что прямо жуть.

В верхи устремилась, ловкачка:
где действовала напролом,
где, выждав момент удачный,
бочком продвигалась, бочком.

Бросала друзей, на подмогу
всегда ей готовых прийти:
еще, чего доброго, могут
оставить ее позади.

И случаю было угодно,
что стала она всех главней.
Над важным задумалась ходом:
решающий выбор - за ней.

Метнулась направо, налево -
ей мудрый расчет незнаком.
Недолго пробив королевой,
слетела с доски кувырком!

2. КАК КОНЬ ПОУЧАЛ СЛОНА

- Не будь таким
прямолинейным,
старина, -
в который раз
Конь поучал Слона. -
Кто ж в лоб противника
все время атакует?
Покамест цел,
брось тактику такую!

Ты действуй обходным,
как я, путем:
ставь недругам рогатки,
а потом,
когда придут к ним
трудные денечки,
бей их из-за угла
поодиночке! -

Но Слон стоял упорно
на своем:
был не в его натуре
ход Конем.

3. САМОНАДЕЯННЫЙ ФЕРЗЬ

Ферзь ничего
не доверял Слонам
и всю игру
вести пытался сам.
Он ни минуты
не стоял без дела,
носился по доске
как угорелый -
и все равно

не поспевал везде...
Слоны и Кони,
что плелись в хвосте
и в схватке не играли
важной роли,
бездельниками стали
поневоле.

Когда ж момент
критический настал,
Фигурам легким
Ферзь свободу дал.
Но им теперь
свобода эта в-тягость:
на месте топчутся
и дать готовы тягу.
Неотвратимо
близился финал.
Бесславно кончил Ферзь...
А как он начинал!

4. ТЯЖЕЛАЯ ФИГУРА

Ладье нелюб почин любой -
пойди такую с места стронь-ка!
Слоны и Кони рвутся в бой -
она стоит себе в сторонке.

Дерзанию, риску предпочтя
девиз - моя, мол, хата с краю,
издалека глядит Ладья,
как Пешку в центре затирают.

А после будет упрекать
тех, кто в разведку шел без страха:
- Эх, зачинатели! Опять
пошла затея ваша прахом!

Ни слова о политике...

ВСЕ НАЗОВЕМ СВОИМИ ИМЕНАМИ...

В чем корень наших бед, невзгод извечных,
что двигаться нас заставляет вспять?
Давным-давно мы разучились вещи
своими именами называть.

Иль оскудел язык великий русский,
иль лень к нему прикинуть лишний раз?
Иль, может, мы не ленимся, а трусим
найти то слово, что не в бровь, а в глаз?

...К позорному столбу, как ни печально,
глава державы мощной пригвожден,
а мы его полвека величали
родным отцом, учителем, вождем.

Язык наш чрезвычайно деликатен.
Так, человека, что и ясным днем
с собой с завода что-нибудь прихватит,
мы называем нежно несунном.

Находятся, похоже, под запретом
у нас слова "хапуга", "казнокрад".
"Чиновник коррумпированный" - это
звучит благопристойней во сто крат.

Произнести нам как-то неудобно,
упорно избегаем слова "вор",
а ведь оно щелчку бича подобно,
оно как беспощадный приговор.

Вот словосочетанье - "новый русский",
один из перлов переходных лет.
Сдается мне, что, мысля слишком узко,
изобрели мы тут велосипед.

... С приходом НЭПа ожили в России
предприниматель частный, коммерсант.
Совбур - советская буржуазия,
казалось, нас отбросила назад.

Прошли десятилетия. При Советах
сил набиралась нынешняя знать.
Верхушку новоявленную эту
сам Бог велел совбурами назвать.
Кто был партийным лидером бессменным,
кто в комсомольских вожаках ходил,
в банкиры ринулись и бизнесмены,
среди крупных оказались воротил.

Нет удержу советскому буржую.
Нищают люди, в обществе-раздрай,
ему же прибыль подавай большую,
богатство в одночасье подавай.

И у властей в недавнем прошлом корни.
Присвоив странный титул "демократ",
вполуха наши слушают укоры,
взахлеб о светлом завтра говорят.

Их обещанья нам напоминают
посулы бывших партсекретарей...
Все назовем своими именами -
и правда нам откроется скорей.

Избавимся от лексики обманной,
от слов, что только затемняют суть.
Чем меньше будет в языке тумана,
тем четче свой мы обозначим путь.

1997 г.

"ПОДХОДЫ" ГОРБАЧЕВА

Я вспоминаю перестройки годы...
Каким был грозным прошлого оскал!
С каким упрямством "новые подходы"
неугомонный Горбачев искал!

Будь Михаил Сергеевич штангистом,
то сам себе сказал бы он: - Смотри,
Тебе даны не тридцать и не триста -
лишь три подхода. Да, всего лишь три!

Но он генсеком был, а не атлетом.
Как все генсеки, был в себя влюблен.
Счет потеряв "подходам", знойным летом
под непосильным грузом рухнул он.

Политики - народ настырный, прыткий.
Ввести б для них закон - он очень прост:
закончились бесплодно три попытки -
не суетись, освободи помост.

ПОРА ПОЛЮДЕТЬ...

В преддверье выборов
не люди мы, а овцы -
гайдарОВЦЫ, рыжкОВЦЫ, жиринОВЦЫ.
Но позади предвыборная бредь -
пора настала, братцы,
полюдеть...

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА

Искаженное
злобою
личико,
крепко стиснутые
кулачки...
Когда женщина
лезет в политику,
образ свой
рвет мгновенно
в клочки...

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ?

А.Л.

От убийц,
мздоимцев и грабителей
кто б Россию
уберег и спас?
На экранах
вдруг мы вас увидели,
прокатился по стране
ваш бас.

Но за вашими
речами грозными
громкие
не грянули дела.
Неужели ваша
проба голоса
лебединой песнею была?!

1996 г.

ЗИМНЯЯ СИРЕНЬ

Строки лирики

Как измучила ты меня!
Безысходной казалась зима.
Одиночество страшно кляня,
я метался, сходил с ума.

Если мог бы, тебя я забыл,
навсегда бы из памяти стер,
растоптал бы ненужный костер:
я, ревнуя, уже не любил.

Нетерпимым я стал и злым.
Встречи были больнее ножа.
Ветер, сдунув налет золы,
снова в сердце огонь обнажал.

... Из больничной палаты - зимы -
я иду по нетвердой земле.
Небо тучами чисто залив,
от усталости день сомлел.

Отжурчал говорливый ручей,
Скоро хлынет зеленый поток.
Лес, разбуженный стаяй грачей,
в клубах солнечной пыли утоп.

Сколько встреч еще впереди,
неисхоженных сколько дорог,
неиспытанных сколько тревог
и неспетых желаний в груди!...

НЕ УСЕРДСТВУЙ...

/Лирическая эпиграмма/

В любовных завереньях не усердствуй:
ведь я отлично вижу, милая:
письмо написано не кровью сердца -
учительскими красными чернилами...

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Не бывает
двух весен в году,
не спору.
Что ж такое
случилось тогда
со мной?
Полюбил я тебя
в листопадную пору,
и душа задышала
вторую весной.

Но меня смущает,
меня смущает
этот желтый,
этот прощальный шум!
Заговорить он
о главном
мешает,
и с признанием пылким
я не спешу.

Лишь прихлынут слова,
откровеньем напрошенные,
лишь возникнет меж нами
сердечная близь, -
тишину вопрошающую,
хорошую

прочеркнет внезапно
сорвавшийся лист.

Там посыплются листья
печальными сонмами...

Долго
молча
мы слушаем листопад.
Те слова
остаются произнесенными -
говорю я не то, говорю невпопад.

И опять ты чужая,
что звездочка дальняя.
Мои руки
с твоих опадают плеч.
На прощанья похожи
наши свидания,
словно скоро разлуке
меж нами пролечь.

Потому мы пришли
в золотое полымя,
к облетевшему тополю прислонясь,
что недолго нам быть
молодыми, веселыми,
и надежд неугасших
все меньше у нас.

И смотрю я все пристальней:
та ли ты, та ли,
что искал я года,
что манила мечты?
И тебе
без любимого
жизни не стало,
но нашла ли его -
не уверена ты.

Полюбил я тебя
в листопадную пору,
и душа задышала
вторую весной.
Но двух весен в году
не бывает, не спору.
Не согреет нас рыжий
сентябрьский зной...

* * *

О, будь ко мне
немного милосерднее:
ведь ты была когда-то
медсестрой.
Больных выхаживала, зная,
с усердием
меня же ранила.
Вернусь ли в строй?

Твой голос -
серебристый, нежный, милый -
я в утренней
услышал тишине,
и сердце
нестерпимо защемило,
и до того тоскливо
стало мне...

Мы познакомились
зимой суровой.
От первой встречи
захватило дух.
Твоя улыбка,
ласковое слово
согрели,
осветили все вокруг.

Общественной работы
перекрестки

сводили часто
и сближали нас.
В тебе и ум,
и благородства блестящие
увидел
с восхищением
не раз.

Меня твоя застенчивость
пленила:
чуть что -
и вспыхивал
румянец щек.
Я взгляд лучистый
позабить не в силах
и смех твой -
чистый, словно родничок.

Давно я не ходил
таким влюбленным.
Все-все в те дни
мне было по плечу.
Как молодо я жил
и окрыленно!
Казалось:
захочу - и полечу!

Вот так бы мне и жить
и не пытаться
проникнуть в чувства
скрытые твои,
вот так бы
с благодарностью питаться
плодами
платонической любви.

Но жаждал ясности -
и вот мечусь я.

"Что между нами?" -
 Над ответом бьюсь.
 Пусть у тебя
 лишь дружеское чувство -
 порвать
 и эту ниточку
 боюсь.

Всё против нас.
 Всё призрачно и зыбко.
 Себе лишь на беду
 с тобой знаком.
 Так сжался:
 не одаривай улыбкой,
 не рань мне душу
 тонким голоском.

И без того
 я натерпелся вволю,
 уже не рад
 быть у тебя в плену.
 Но вырваться
 не в силах я на волю.
 Ты боль моя -
 я к этой боли льну...

ЗИМНЯЯ СИРЕНЬ

Не обман ли тут зренья?
 Среди зимнего дня
 город яркой сиренью
 встречает меня.

Это женщины - в куртках
 и пуховиках.
 Мода - надо же! - круто
 меняется как...

Люды, Оли и Светы,
похоже весьма -
на сиреневом цвете
сошли вы с ума.

Ты, любимая, тоже
этот выбрала цвет,
и меня он тревожит -
покоя мне нет.

Твою куртку замечу
за сотню шагов,
и бежать я навстречу
вприпрыжку готов.

Я в далекую юность
с тобой убегу.
Как мы там разминулись,
понять не могу.

Видно, слишком смиренен
я был и несмел -
от цветущей сирени
тогда не пьянел.

А теперь лишь тобою
дышу я, сирень,
пью тебя я запоем -
мозги набекрень.

Но советуют: лучше
ты с нею порви,
твои годы, голубчик, -
не возраст любви.

Наседают, зануды, -
иль им невдомек,
что последний задуют
в душе огонек?

...Догорает уныло
вечерний костер.
Мрак над ним свои крылья
уже распростер.

Но пред тем, как угаснуть,
последний сучок
вдруг стремительно красный
взметнет язычок.

Вот и мне так же шало
блеснул из-за туч
предзакатный, прощальный
сиреневый луч.

И пока он мне светит,
зима не зима.

...На сиренёвом цвете
сошел я с ума.

ЛЮБОВЬ И ОБЩЕПИТ

/ Шуточное лирическое/

- На второе что у вас? - курносая
подошла официантка вдруг.
Быстро снял тарелочку с подноса я
и...чуть-чуть не выпустил из рук.

- Ах, простите! Обожглись не сильно вы? -
девушка спросила. - Ох же ох! -
И такую, покраснев, красивою
стала, что забыл я про ожог.

Виноватая улыбка тронула
губ ее округлых лепестки.
И в груди моей вдруг что-то дрогнуло...
- Ничего, - сказал я, - пустяки!

И хотел добавить: - Безрассудная!
Так шутить с людьми нехорошо.
Я обжег не пальцы о посудину -
сердце об тебя свое обжег!

...Стал с тех пор обедать в этой чайной я,
и, понятно, вовсе неспроста,
хоть и волновался я отчаянно,
все за тот же стол садиться стал.

Чтоб подольше видеть черноглазую,
любоваться ею час и два,
я такой обед себе заказывал,
что порой справлялся с ним едва.

Ловкая и вся такая ладная,
с доброю улыбкою простой,
шла она легко по залу, радуя
свежестью своей и чистотой.

Сердце мне она навылет ранила...
Но однажды, ужиная, я
слышу: поварихе нечто странное
говорит знакомая моя.

Может, мол, сравнение это грубое,
но в воображении ее
очень схож мужчина с мясорубкою:
целый день жует, жует, жует...

- Нравятся они тебе хоть столечко?
Я терпеть их не могу, обжор! -
И она, окинув взглядом столики,
свой на мне остановила взор.

Поперхнулся пирожком с повидлом я:
реплика ее была едка!
Та, которой я увлекся, видела
редкого во мне лишь едока!

Я оставил ужин... Потерпел, увы,
я фиаско в чайной невзначай.
А была ведь встреча наша первая
необыкновенно горяча!.

ПЕРЧИНКИ

/Сатирические миниатюры/

Пассажир, который ехал зайцем, по-лисьи заюлил перед контролером, а когда тот взял штраф, посмотрел на него волком.

* * *

Футболисты потребовали сначала форму, а потом и содержание.

* * *

Она так часто завивалась, что развиваться ей было некогда.

* * *

На учителя взвалили столько нагрузок, что он стал неуспевающим.

* * *

В семейных баталиях она брала мужа сердечным приступом.

* * *

Приобретешь репутацию пьяницы - не раз будешь без вина виноватым.

* * *

- Невезучий я человек! Первый раз выиграл по лотерее - и то проигрыватель.

* * *

Ветврача склоняли на собрании по всем падежам.

* * *

- Доктор, скажите, положи руку на сердце: что у меня с желудком?

* * *

Иной начальник искренне убежден: там, где у него выступ, у подчиненного должна быть выемка.

* * *

Одному мужчине достается в жены полная женщина, другому - неполная.

* * *

- Лев Аристархович у себя?

- Да. Но он не в себе.

* * *

Не хвались многолетним опытом, если это был только горький опыт.

* * *

Только у одного человека не было семи Пятниц на неделе - у Робинзона Крузо.

* * *

Стояла тишина. Стояла так долго, что у нее от усталости подгибались колени.

* * *

Посади лентяя на подъемный кран - он и здесь будет работать без подъема.

* * *

В семье царили лад и согласие.

-Так жить невозможно! - кричала жена.

-Так жить невозможно! - вторил ей муж.

* * *

Прописные истины не пиши прописными буквами.

* * *

Неизвестному автору - анониму - никогда не поставят памятника.

* * *

Ничего особо выдающегося в нем не было, если не считать подборка.

* * *

Правда всегда всплывет на поверхность, но к тому времени, увы, правдоискатель частенько оказывается на дне.

* * *

Девичьего в ней только и осталось, что девичья память.

* * *

Становись на букву закона, но смотри не раздави ее.

* * *

Ахиллес уберег бы свою злополучную пятку, если бы в древней Греции торговали мужскими носками.

* * *

Легче всего скрыть свое мнение тогда, когда его нет.

* * *

Хлебозавод недопекал хлеб, за что директора допекали жалобами.

* * *

Если ребенка все время носить на руках, он становится несносным. То же происходит и со взрослым человеком.

* * *

Даже если ты хочешь построить из ряда вон выходящий дом, ставь его в ряд с другими домами.

* * *

Работники столовой огорошили едоков - ввели в меню сразу гороховый суп, горошницу и гарнир "горох".

* * *

Сними с дуба хоть три шкуры, он останется дубом.

* * *

- И в космосе можно работать! - пришли к выводу Гагарин и его последователи.

А кое-кто считает, что можно бездельничать на Земле.

* * *

Критика для дутого авторитета, что шило для мыльного пузыря.

* * *

Так здороваются с подчиненными, что им нездоровится.

* * *

Сам ростом с ноготок, а ухитряется на всех смотреть свысока.

* * *

Прежде чем проглотить обиду, подумай, сможешь ли ты ее переварить.

* * *

Если вы, поднимаясь вверх по служебной лестнице, набили себе шишку, это значит, что вы достигли своего потолка.

* * *

Может ли человек стать на склоне лет мудрым, если в зрелые годы он не блистал умом?

* * *

Рыба гниет с головы. А чистят ее с хвоста.

* * *

Чтобы отдалить старость, снова и снова повторяет ошибки молодости.

* * *

Согласился быть Дедом Морозом, но потребовал северных.

* * *

От посредственности не жди непосредственности.

* * *

Мужества ему хватило только на то, чтобы признаться, что у него нет мужества.

* * *

- Се ля ви, - сказала Смерть, смахнув косой очередную жертву.

Он старался показать, как много у него в душе. А она видела только, что у него ничего нет за душой.

Чем громче крикнешь "Эврика!", тем больше будет у тебя соавторов.

Так часто слышал похвалы своей скромности, что возгордился.

И внеочередные должны соблюдать свою очередь.

- Почему вы оставили сына на второй год? Ведь вы же сами говорили, что у него переходный возраст.

Будь человеком, хотя бы и не с заглавной буквы.

Самых неистовых бьют особо истово.

Держали ли в каменный век камни за пазухой?

Дело за малым. А малому и дела нет.

Понес ужин своему врагу, а тот мне навстречу - с подносом.

Пусть годы берут свое. Лишь бы не прихватывали чужое.

Оглавление

В. Логинов. Время жатвы еще впереди	2
Дм. Гоосен. «Существует - и ни в зуб ногой!»	4

МАЙСКИЕ КОСТРЫ (Стихи разных лет)

Это лишь начало	7
Буран	8
Холода	9
Апрель	10

Из цикла «Перечитывая классиков»

Преодоление	11
Сильные чувства	13
Майские костры	15
Прозрение	16
Картина	17
Глубокая разведка	18
После кражи	20
Возвращение из будущего	21

Короткие стихи

Мольба скамьи подсудимых	23
У сердца четыре камеры	23
Все относительно	23
Самооценка	24
Курица-святоша	24
Эпитафия клерку	24
Твои глаза	24
Сократили. .. Сократа	25

ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ (агропоэтический репортаж)

(Отрывки)	26
-----------------	----

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ (басни)

Лавровый Лист	36
Об одном Телеграфном Столбе	37
История одной учрежденческой Двери	38
Будильник-пустозвон	39

Калоша и Сапог	40
Спичка и Дрова	41
Семафор-энтузиаст	42
Цепкая Скрепка	43
Круговая порука	44
Топор и Пилы	45
Магнит и Опилки	46
Движение и торможение	46
Карандаш без стержня	47
Галстук и Сорочка	47
О Барометре, всегда показывающем «пасмурно»	48
Дурная слава	49
Утюг-очковтиратель	49
Бахвальство летуна	50
Велосипедный Баллон с изъяном	51
Замкнутый Сейф	52
Лемех-верхогляд	53
Лупа-критиканка	54

ФИГУРАЛЬНО ГОВОРЯ....(шахматные басни)

1. Карьера Пешки	55
2. Как Конь поучал Слона	56
3. Самонадеянный Ферзь	56
4. Тяжелая фигура	57

НИ СЛОВА О ПОЛИТИКЕ

Все назовем своими именами	58
«Подходы» Горбачева	60
Пора полюдеть	60
Политизированная женщина	61
Лебединая песня?	61

ЗИМНЯЯ СИРЕНЬ

(строки лирики)

Как измучила ты меня	62
Не усердствуй	63
Осенняя любовь	63
О, будь ко мне немного милосерднее	65
Зимняя сирень	67
Любовь и общепит	70

ПЕРЧИНКИ

(Сатирические миниатюры)	72
--------------------------------	----

Дмитрий Гоосен

ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ

Стихи, басни

ISBN 5-85471-090-0

Сдано в набор 22.05.02. Подписано в печать 13.11.02.

Формат 60х84,1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Arial Cyr». Печать трафаретная, ротаторная (ризография).

Усл. печ. л. 4,5. Тираж 300 экз. Заказ № 26. Цена свободная.

Отпечатано в ГУП «Беловский полиграфист».

652615, г. Белово, ул. Чкалова, 18.

Тел. 2-22-67, факс 4-34-00.

